

Наступила ранняя весна. Тонкая ледяная глазурь и остатки зимнего снега сошли с молодой листвы.

Когда белоснежные ветви, отяжеленные распустившимися бутонами, склонились к холодным водам реки, гора духов очнулась от зимней спячки.

С первыми порывами весеннего ветра существа, проспавшие всю зиму в глубоких пещерах, огласили окрестности протяжным, заставляющим трепетать сердца воем.

От этого глухого, хриплого эха у любого случайного прохожего из мелкой нечисти подкосились бы лапы.

Вот и Хан Цзянсюэ не удержался и полетел кувырком.

Но вовсе не от страха — он просто не заметил вытянувшиеся поперек тропинки молодые побеги дикого вьюна.

И винить его в невнимательности не стоило: в лапках малыш нес целую гору праздничных коробок, которая возвышалась над пушистым кроликом едва ли не вдвое.

С глухим стуком Хан Цзянсюэ растянулся на свежей весенней траве, так что вся его пухлая кроличья мордочка оказалась в зелени.

Падение вышло болезненным, но крольчонок даже не поморщился. Напротив, он весело вскинул голову и, убедившись, что коробки на его макушке удержали равновесие и не рассыпались, радостно пискнул:

— Все в порядке!

Этот крошка размером с ладонь щеголял в шубке теплого апельсинового оттенка. Его крошечные лапки были даже короче длинных ушек. Хан Цзянсюэ захлопал круглыми пуговками глаз, принялся отряхивать налипшие травинки и усердно отплевываться от попавшей в рот земли, забавно шевеля раздвоенной губкой. Его пухлые щеки так заманчиво топорщились, что любого прохожего непременно потянуло бы тискать и гладить этого очаровательного зверька.

Наскоро приведя себя в порядок, он припустил вниз по склону, забавно подпрыгивая на ходу.

Крольчонок торопился по очень важному делу.

Сегодня его старшая сестра отправлялась на разбой!

Двадцать девятое число третьего месяца считалось исключительно благоприятным днем.

От самой вершины горы к ее подножию вела лестница в десять тысяч ступеней. Деревья вдоль нее были украшены алыми шелковыми лентами с привязанными к ним медными бубенцами, которые тихонько звенели при каждом дуновении ветра.

Возглавляли шествие несколько лисиц, усердно дувших в бамбуковые флейты-сяо. Следом за ними плыли крошечные носилки, размером не больше плетеного сита.

К основанию паланкина был прикреплен охранный договор, гласивший:

[Свидетельствует Восточный Владыка-гун: на юг не ходить. Свидетельствует Западная Владычица-мать: на север не кочевать.]

Внутри алого паланкина восседала грациозная кошка окраса табби. Ее лоснящаяся шерстка сияла на солнце, зеленые глаза округлились, словно два нефрита, а чуть вздернутая мордочка выражала крайнее самодовольство.

— Сестрица! Сестрица!

Тонкий голосок Хана Цзянсюэ раздался откуда-то из хвоста процессии. Вокруг толпилось великое множество лесных духов, пришедших поглазеть на проводы.

Малыш был слишком мал ростом и никак не мог пробиться сквозь плотные ряды зевак.

Видя, что паланкин вот-вот достигнет подножия горы, крольчонок отчаялся и закричал во весь голос:

— Цуйцуй! Цуйцуй!

Процессия мгновенно замерла. Спустя мгновение толпа расступилась, освобождая дорогу.

Хан Цзянсюэ со всех ног бросился вперед. Полосатая кошка уже спрыгнула на землю и без лишних слов отвесила ему легкий подзатыльник мягкой лапой.

— Глупый кроль! Сколько раз просила не звать меня детским прозвищем? Деревенщиной отдает! Зови меня Цзяньцзя!

Кошка сердито топорщила усы, но Хан Цзянсюэ ничуть ее не испугался. Напротив, он широко

улыбнулся и протянул ей свои дары:

— Это мой прощальный подарок! Здесь целебные травы, сушеные цветы и... вяленая рыбка!

Цзяньцзя на секунду растерялась. Она аккуратно переложила коробки в свою Сумку ста сокровищ, а затем ласково погладила брата по голове.

— Спасибо.

— Ты ведь отправляешься на разбой, — засиял крольчонок, — так что с деньгами у тебя проблем не будет. Но домашнее тепло ни у кого не отберешь!

При этих словах кошачья нежность мгновенно испарилась, и Цзяньцзя снова стукнула его по макушке.

— Бестолочь ушастая! Меня наняли ловить мышей в знатном доме, а не грабить!

Хан Цзянсюэ потер лапкой ушибленное место и озадаченно захлопал глазами:

— Но... старший брат ведь говорил: если человека выбирает кошка, он обязан ее кормить, поить, баловать и исполнять любые капризы. Будто к нему в дом явился сам император! Разве это не чистой воды грабеж?

Кошка вздохнула, глядя на этот крошечный пушистый комочек. Матушка нашла его в траве около пятидесяти лет назад. Из всего выводка выжил только этот заморыш.

То ли из-за врожденной слабости, то ли еще почему, но он почти не рос. Хоть Хан Цзянсюэ давно перешагнул порог зрелости, макушка его ушей едва доставала кошке до локтя.

Малыш уступал размерами даже упитанной амбарной крысе. Надежности в нем не чувствовалось совсем.

Неудивительно, что из всех многочисленных гостей, посещавших их гору в поисках фамильяров, никто ни разу не обратил внимания на крольчонка, в то время как его сводных братьев и сестер разбирали одного за другим.

— Это называется добровольным подношением, — многозначительно мяукнула Цзяньцзя, но в ее голосе проскользнула тревога. — Ты уже взрослый, братец. Пора бы и тебе найти теплое местечко с сытной кормушкой. Негоже сидеть на шее у матери в твои-то годы.

Люди могут позволить себе бездельничать дома, но среди духов таких поблажек не бывает.

Вырос — изволь добывать пропитание сам!

При этих словах длинные уши Хана Цзянсюэ уныло повисли.

— Но ведь я... всего лишь кролик, а не кот. Матушка вряд ли отпустит меня с горы, да и люди считают меня бесполезным...

Хоть его и воспитала кошачья семья, и он прекрасно умел охотиться на грызунов, люди приходили на гору именно за кошками. Стоило матушке шутки ради предложить им присмотреться к кролику, как улыбки на лицах заклинателей сменялись вежливым недоумением.

Кролик ловит мышей? Или все-таки мыши поймают кролика?

В конце концов, в трактатах писали о союзе с кошачьими духами, а не о приручении ушастых комочков!

— Ты все еще грезишь о том, чтобы отправиться в Обитель Опавших Персиков и стать великим мечником? — Цзяньцзя воровато огляделась и, убедившись, что никто не смотрит, вложила в его лапки горсть сияющих духовных камней из своей сумки. — Пусть матушка считает это глупой фантазией, но какой котенок в детстве не мечтал переплыть океан? Возьми, пригодится на дорожные расходы.

Хан Цзянсюэ уставился на мерцающие камни, его глаза округлились от удивления.

— Сестрица, какая ты щедрая! Раньше ведь за сушеный рыбий хвост готова была драться!

— Времена меняются, — фыркнула кошка. — Теперь, когда у меня есть... кхм, богатый покровитель, эти побрякушки можно использовать вместо обычных камешков для игры!

Музыка зазвучала громче и настойчивее. Мотивы лесных духов сильно отличались от утонченных человеческих мелодий, напоминая скорее призывный рев диких зверей. Так кошке давали понять, что пора возвращаться в паланкин, дабы не пропустить благоприятный час.

Когда горные духи заключают союз с людьми, обе стороны обязаны строго следовать ритуалам. Благочестие не терпит суеты.

Брат и сестра переглянулись. Хан Цзянсюэ сделал шаг вперед и нежно обхватил лапками ее переднюю лапу.

— Я буду очень скучать, сестрица.

Крольчонок ласково прижался пушистой щечкой к ее лапе, зажмурившись от избытка чувств.

Раньше они то и дело устраивали шуточные потасовки из-за еды, наполняя дом веселым шумом. Тем горше казалось теперешнее расставание.

Кошки по природе своей независимы и горды. Но перед обаянием этого теплого ушастого существа не устояло бы даже самое холодное сердце. Цзяньцзя почувствовала, как внутри у нее все тает.

В их выводке все котята отличались суровым нравом — за один неверный взгляд можно было получить когтями по морде. И только этот странный кролик на грозное шипение отвечал тем, что лез обниматься.

Что за глупый зверь! Хан Цзянсюэ никогда не отбирал еду, всегда делился лакомствами, приносил из леса забавные безделушки, а по вечерам убаюкивал всех сказками. Ну кто, скажите на милость, откажется от такого ласкового чуда?

«Проклятье, ну до чего же он невыносимо милый!»

— Ну все, полно тебе. Будет скучно — прилетай в гости, — подмигнула она.

Хан Цзянсюэ усердно закивал. Кошка махнула на прощание пушистым хвостом и легко запрыгнула обратно в алые носилки.

Процессия двинулась дальше, быстро спускаясь к самому подножию горы.

У подножия протекала хрустально чистая река, на другом берегу которой уже ожидал пригласивший кошку заклинатель.

Смертным без особого приглашения проход на гору был заказан. И хотя здесь обитали преимущественно мелкие духи, над ними высилась фигура грозного Владыки Десяти Тысяч Гор, чье имя люди произносили исключительно с величайшим почтением.

Хан Цзянсюэ проводил сестру до самой воды. На том берегу стояла заклинательница. Одевания ее были белы, словно свежий снег, а сама она казалась прекрасной и отрешенной от мирской суеты речной девой, не знающей земных страстей.

Крольчонок невольно забеспокоился: поладит ли его кошка-сестра с этой ледяной красавицей?

Однако полосатая кошка не ведала сомнений. Она грациозно перебралась через брод, и едва коснулась сапог девушки, как та бережно, словно величайшую драгоценность, подхватила ее на руки.

Цзяньцзя поудобнее устроилась на груди новой хозяйки и бесцеремонно припечатала лапу прямо к ее щеке. Заклинательница не только не рассердилась, но и расплылась в блаженной улыбке.

— Ох, моя сладость! Мое сокровище пушистое, проголодалась? Чего бы тебе хотелось отведать, моя маленькая прелесть?

Ее голос сочился таким непередаваемым обожанием, что Хан Цзянсюэ лишь покачал головой. Беспокоиться было не о чем. Заклинательница вовсе не была лишена чувств — просто перед кошачьим очарованием пасуют даже самые стойкие бессмертные.

Цзяньцзя оглянулась и лениво взмахнула лапой, безмолвно приглашая брата наведаться к ней при случае.

С небес опустился белоснежный облачный корабль. Заклинательница поспешно взошла на палубу, словно опасаясь, что драгоценная гостья может передумать и сбежать.

Хан Цзянсюэ долго стоял у воды, провожая взглядом уплывающее ввысь судно, пока оно окончательно не растаяло в облаках. В душе его смешались легкая зависть и щемящее одиночество.

В вышине прогремел первый весенний гром, и на землю хлынул теплый дождь.

Хан Цзянсюэ поспешно сорвал росший у тропы широкий лист таро и укрылся им, словно зонтиком. Он долго слушал мерный стук капель по листу. Дождевые брызги промочили его крохотные башмачки.

Один, второй, третий... На этой переправе Хан Цзянсюэ проводил уже восьмерых своих братьев.

Родная нора опустела. Все братья и сестры покинули гнездо.

Больше никто не полижет ему макушку перед сном, не прижмется боком холодными ночами, делясь теплом.

Все котята выросли и нашли свой путь. И только крольчонок остался не у дел. Матушка не позволяла ему даже носа показать за пределы горы.

Опечаленный, он медленно побрел обратно к дому. Жилище кошачьей матушки располагалось на склоне, и к этому часу она наверняка уже проснулась.

Матушка никогда не провожала своих детей. Духи смотрят на вещи иначе, чем смертные.

Начало самостоятельной жизни — повод для радости, а не для слез.

Мир велик, и пути в нем открыты для каждого. А если затоскуешь — ничто не мешает преодолеть тысячи ли, чтобы обнять родную душу. Разлука временна, ценна лишь будущая встреча.

Но когда Хан Цзянсюэ приблизился к норе, то с удивлением обнаружил у входа нескольких духов в человеческом облике. Завидев крольчонка, они вежливо поклонились, сложив ладони.

— Вы ведь младший сын Сянской Девы Зеленых Вод? Госпожа сейчас беседует с нашим господином. Не стесняйтесь, проходите в дом.

Хан Цзянсюэ вежливо кивнул, пристроил свой импровизированный зонт у входа и, прежде чем войти, отсыпал каждому из гостей по горсти сушеных рыбок в знак гостеприимства.

Имя «Сянская Дева Зеленых Вод» всегда казалось Хану Цзянсюэ чужим и слишком напыщенным. В его глазах матушка была обычной ленивой кошкой, которая целыми днями либо спала, либо лакомилась вяленой рыбой, и изяществом благородной дамы не отличалась вовсе. Но когда к ней приходили по важным делам, посетители неизменно величали ее почетным титулом.

Интересно, кто пожаловал к ним на этот раз?

Хан Цзянсюэ озадаченно склонил голову набок, отчего его длинные уши забавно качнулись. Но не успел он сделать и шага, как из глубины жилища вырвался легкий ветерок и в мгновение ока перенес пушистого кроху во внутренние покои.

Голова у Хана Цзянсюэ пошла кругом. Он еще не успел открыть глаза, как над его ухом раздался мягкий, но властный голос матушки:

— Я отправляюсь погостить у твоей третьей сестры, тебя с собой не беру. Раз уж никто так и не пожелал взять тебя к себе на службу, скажи честно: не хочется ли тебе самому повидать мир?

<http://bllate.org/book/20471/2105595>